

Б.Н. Морозов

Царь Александр Македонский и князь Михаил Скопин-Шуйский. Две рукописи «Александрии» с продолжением эпохи Смутного времени

Реферат. В научный оборот вводятся две рукописные книги с текстом известного памятника древнерусской литературы, так называемой «Александрии Сербской» — переводного средневекового романа о жизни и подвигах Александра Македонского. Обе рукописи, хранящиеся в Российской государственной библиотеке (первой трети XVII в.) и в Государственном литературном музее (первой трети XIX в.), содержат оригинальные дополнения текста, сделанные неизвестными древнерусскими книжниками. Наибольший интерес из них представляет вставленный в рассказ о смерти и погребении великого полководца пространный плач его жены — царицы Роксаны. Исследование этого текста показало не только его близость к традиционным русским похоронным вдовьим плачам и причитаниям, в том числе к плачу вдовы царя Федора Ивановича — царицы Ирины, но и смысловые параллели с получившими большую известность плачами жены выдающегося полководца эпохи Смуты в России князя Михаила Скопина-Шуйского — княгини Александры Васильевны и его матери — княгини Елены Петровны, вошедшими в несколько памятников литературы начала XVII в., в которых одно из центральных мест занимают описания неожиданной смерти князя на пиру, породившей версию о его отравлении. На эпоху Смутного времени в России указывает и оригинальное послесловие текста «Александрии» в данных рукописях.

Ключевые слова: Александр Македонский, Михаил Скопин-Шуйский, рукописи, «Александрия», Смутное время.

Для цитирования: Морозов Б.Н. Царь Александр Македонский и князь Михаил Скопин-Шуйский. Две рукописи «Александрии» с продолжением эпохи Смутного времени // Библиотековедение. 2016. Т. 65, № 6. С. 649—660.

Имя великого полководца царя Александра Македонского (IV в. до н. э.) было хорошо известно в Древней Руси благодаря особенностям становления древнерусской книжности, активно впитывающей в себя переводы письменных памятников мировой культуры. Уже на начальном этапе ее развития (XII—XIII вв.) текст сочинения об Александре Македонском, восходящий к эпохе эллинизма (как полагают исследователи ко II—III в. н. э.), включался в первые русские хронографические своды — так называемая «Александрия Хронографическая» (переработанная ее версия получила широкое распространение в рукописях русских хронографов редакций 1512 и 1617 годов). В XV в. на Русь с Балкан попал новый вариант того же переведенного с греческого языка памятника, приписываемого современнику царя Александра Каллисфену (в литературе обозначенному как Псевдо-Каллис-

Борис Николаевич Морозов,
Российская государственная библиотека,
Центр по исследованию проблем развития библиотек в информационном обществе, сектор изучения особо ценных фондов, главный научный сотрудник Воздвиженка ул., д. 3/5, Москва, 119019, Россия
кандидат исторических наук, доцент
E-mail:
b.n.morozov@yandex.ru

фен), — «Александрия Сербская». Она привлекла русского читателя еще большей занимательностью, чем «Александрия Хронографическая»,

«Александрия» [10]. Л. 2 об. — выходная миниатюра где подлинная история Александра Македонского «совершенно заслонена легендарными и фантастическими коллизиями и деталями... описанием неведомых земель, которые будто бы посетил Александр во время своих походов, и обитающих там диковинных людей и фантастических животных» [1]. В «Александрии Сербской», созданной уже в эпоху Средневековья, «элементы чудесного и необычайного соединены с назидательными рассуждениями» [2, с. 21]. «В ней Александр совершает поход к земному раю, которого он, как и все смертные люди, не смог увидеть. Чудовищные народы и звери, встречающиеся Александру на его пути на восток за пределами Вселенной... осмыслиются здесь как видения ужасов и мучений, находящиеся перед Эдемом... неоднократно говорится о конце мира, о человеческой душе и теле после смерти, о Страшном Суде» [3, с. 539]. В то же время история взаимоотношений Александра и его жены Роксаны, не играющая в других текстах сколько-нибудь значительной роли, превратилась в «Александрии Сербской» в любовную повесть, схожую с рыцарским романом о Тристане и Изольде. Не желая остаться в живых после смерти мужа, Роксана рыдает над гробом Александра, кончает жизнь самоубийством и их хоронят вместе [4, с. 6].

Вместе с тем книжная история «Александрии Сербской» в России таит в себе ряд загадок. Если от XV в. сохранился единственный список памятника в уникальной по полноте и подбору текстов библиотеке монаха Кирилло-Белозерского монастыря Ефросина, переписанный и, оче-

видно, отчасти им переработанный [5, с. 207—210], то списков XVI в. вообще не существует (в знаменитом Лицевом летописном своде Ивана Грозного скопирована и проиллюстрирована «Александрия Хронографическая»). В XVII в. интерес к истории Александра Македонского резко возрастает — сохранились десятки списков «Александрии Сербской» (полного учета до сих пор нет¹), в основном, второй половины этого столетия, когда книга с рассказом о великом полководце прошлого, очевидно, была принадлежностью любой объемной библиотеки. Книжные собрания, включающие в себя определенный набор светских рукописей, в XVII в. характерны для представителей различных сословий, не только московской знати, но и для рядового дворянства, торговых людей, посадских и даже для зажиточных крестьян. Причем, важно отметить, что постепенно царь Александр Македонский стал восприниматься русским читателем не только как древнегреческий полководец, но и как некий легендарный витязь, схожий с русскими былинными и сказочными персонажами. Поэтому возникли многочисленные переработки и дополнения текста новыми подробностями во многих рукописях XVII в., которые до конца не изучены и не изданы. Сближение повествования о героях древней истории, хотя и полуфантастического, с древнерусскими реалиями видно на миниатюрах ряда лицевых списков «Александрии» конца XVII в. — изображены русские типы строений, вооружений, одежды. Известно, что подобные лицевые рукописи использовали для обучения детей, сохранился роскошный список «Александрии», выполненный кремлевскими мастерами в 1676 г. для четырехлетнего царевича Петра (БАН. Собр. Петра I. № 26/99) [7, с. 202—205; 8].

Списков «Александрии» XVIII в. сохранилось значительно меньше, а в XIX в. традиция уже угасает, современным исследователям было известно всего три списка текста, сделанные в этом столетии. Сказания об Александре Македонском в это время переходят в народную («низовую») культуру, благодаря популярным лубкам — «Славное побоище царя Александра Македонского с царем Пором Индийским», «Люди дивые, найденные царем Александром Македонским» и др., отражаются в прикладном искусстве — изразцах (сюжеты с Александром Македонским на них известны с XVII в.), росписи на мебели и т. д. [9].

В этом контексте первоначально (еще в 1980-е гг.) и привлекла наше внимание рукопись «Александрии Сербской» 1820-х гг., хранящаяся в отделе рукописных фондов Государственного литературного музея (ГЛМ) [10]. Она принадлежала крепостному крестьянину генеральши М.В. Талызиной² Самойле Харитоновичу Буравцову, согласно его записи 1831 года. Рукопись явно не старообрядческая (среда, в которой в XIX в. преимущественно бытовали памятники

«Александрия» [14]. Слева: общий вид. Справа: л. 235 об. — почерк перв. трети XVII в., л. 236 — почерк втор. пол. XVII в.

древнерусской литературы) — текст выполнен писарской скорописью начала XIX в. и сопровождается выходной миниатюрой в своеобразной лубочной манере (но основанной на миниатюрах XVII в.?) и большой заставкой-рамкой, в которых можно проследить и мотивы стиля ампир (в том числе изображение русской императорской короны и классический сложный вензель «АМ» в гирляндах из дубовых листьев), и даже явные анахронизмы — перед Александром Македонским географическая карта с надписями «Окиян», «Черное море» (подробное описание рукописи см. в приложении 1).

Однако дальнейшее изучение текста данного списка «Александрии Сербской» привело к неожиданным результатам — во-первых, он оказался особой, вероятно ранней редакцией. Первая его половина, очевидно, отражала редакцию, близкую к древним южнославянским спискам, во второй имеются особенности, характерные для опубликованного Ефросиновского вида памятника XV в. (например, в эпизоде возвращения Александра в Вавилон) [5, с. 200; 11, с. 117]. Во-вторых, он содержал пространные оригинальные дополнения — вставки двух самостоятельных текстов, которые, как можно предположить, были сделаны в протографе данного списка XIX в., достаточно древнего происхождения.

В известии о рождении Александра, после слов «егда же родися младенец или отроча и проплака» добавлено пространное риторическое поучение о бренности жизни, трудности учения, военного поприща, о тяжести богатства и убожестве бедности [10, л. 12 об. — 15]. Начало: «...понеже позна, яко худо (в рукописи ошибочно “чудо”. — Примеч. Б. М.) и маловременно житие всего света...»; ко-

нец: «Страшно и люто зело сего света помышления, яко вороньи грают печали, яко пси лают грубости, яко волцы желают расхитити старость, яко зима проходит смерть, яко тать восхитет не дошед до пристанища, яко корабль потопе не радоваться в житии...» Далее следует фраза, связывающая поучение с последующим текстом «Александрии»: «И проплакася младенец Александр, яко позна свои труды и воинския печали». Текст поучения разрывается киноварным заголовком на л. 14 об.: «О живущих в нищете и о всяких бедах».

Значительно были расширены и изменены описание смерти Александра, плач Роксаны и описание его погребения [10, л. 172—175 об.]. Завершает текст «Александрии» слитое с ней риторическое послесловие [10, л. 175 об. — 176 об.]. Его начало трудно отделить от переработанного конца рукописи, вероятно, в протографе был какой-то дефект текста. В составе послесловия можно было отметить несколько «слоев», отражающих редакторскую работу переписчиков различного времени. Можно предположить, что к началу XVII в. мог относиться вставленный текст молитвы о победе над врагами, в том числе о защите от «земли наша восхищения рабом и супостатом нашим» и о защите «на престоле сидящему, по истинне и правде возведенному, Богу избранному и Богом венчанному царю, государю и великому князю имаруку» (так!), но далее в тексте упоминается «наша» императрица Екатерина Алексеевна (!).

Новые возможности для изучения данного древнерусского варианта «Александрии Сербской» дало приобретение Российской государственной библиотекой (РГБ) в 1986 г. рукописи, в основном, относящейся к первой трети XVII в. (что уже ставит ее в ряд древнейших списков,

Описание рукописи «Александрии» Государственного литературного музея [10]

Александрия Сербская (ГЛМ. ОРФ. Ф. 439. № 135)

XIX в. (не ранее 1824 г.). 4°. 182 л. (л. I, 1—2, 177—181 без текста).

Водяные знаки. Герб Симбирской губ. в овале под короной — «М.Е. Пчелина» — «1822, 1823 и 1824» гг. — Клепиков (М., 1978), № 441 (указан только 1820 г.).

Скоропись. Заголовки крупным каллиграфическим почерком и инициалы киноварью, в заголовках инициалы чернилами.

Украшения: Миниатюра — фронтиспис (л. 2 об.) с изображением Александра Македонского, сидящего за столом с картой (на ней подписи: «Окиян», «Черное мо[ре]») с предстоящими тремя воинами; в центре миниатюры (на свободном поле) сложный вензель «АМ». Персонажи и архитектурный фон в целом выполнен в древнерусской манере (в лубочной интерпретации?). Вся миниатюра в прямоугольной рамке завершается царской короной в медальоне из гирлянд с листьями — полупрозрачные краски (с преобладающей желтизной). На л. 3 заставка-рамка (с заголовком) — две парные фигурные колонки, завершение с медальоном из гирлянд и листьев и розетками; в медальоне сложный вензель — «АМ» — полупрозрачные краски.

На л. 3 заголовок крупным полууставом с орнаментированными буквами. На л. 3 об. большой орнаментированный инициал древнерусского типа.

Переплет. Доски в коже (темно-вишневой окраски) с тиснением (классического и древнего орнамента); на корешке тисненый заголовок: «Александра Макед». Застежки утрачены.

Записи: На л. I первого счета карандашом: «Книга царя Ал. (далее неразборчивое слово — “вососко”?). 1831-го года октября 1-го числа сия книга, нарицаемая Александр Македонской, крестьянина ея превосходительства госпожи Марии Васильевны Талызиной Самоилы Х[а]ритоновна (?) Буравцова».

На л. 2 почерком середины XIX в.: «Сия книга царя Александра Македонского».

На л. 177 твердым писарским почерком середины XIX в.: «Дозволено цензурою Москва, императрицею Екатериною. Цензор Свищев».

На л. 179 об. нетвердым почерком середины XIX в.: «Любезной моей тетюшки Александра Кузминична (?) нижайщи (!) поклон, любезной моей бабушки Вера Ивановн[а] нижайший поклон». Здесь же другим нетвердым почерком середины XIX в.: «Сия книга Александра Македонского принадлежит Илье Михайловичу Нестерову». Здесь же тем же почерком и чернилами два маленьких и грубых рисунка птицы; у одного подпись: «Птичка».

Содержание:

Заголовок (в рамке): «Произшествие царя Александра Македонскаго» — л. 3.

«Повесть о зачатии преславного царя Александра и о храбрости его» (нач.: «Глаголют ему быть сына царя Филипа, но несть тако, но есть Нектона (так!) великого волхва сын и Алимпиады царицы жены Филипа царя...») — л. 4.

Текст относится к русской редакции сербской Александрии и носит сводный характер. Первая половина текста, очевидно, отражает редакцию, близкую к южнославянским спискам, во второй имеются особенности, характерные для опубликованного Ефросиновского вида памятника (в эпизоде возвращения Александра в Вавилон). Кроме того, в данном тексте имеются оригинальные дополнения.

важных для изучения литературной истории памятника), содержащей текст с теми же двумя большими дополнениями, что и в рукописи ГЛМ. Обретение текста этих интерполяций в списке XVII в. (хотя и имеющем определенные особенности разновременного состава) имеет принципиальное значение — наличие таких оригинальных вставок в текст ранних памятников в поздних списках всегда вызывает сомнение исследователей в их аутентичности (особенно это относится к описанию погребения Александра и плачу Роксаны). Хорошо известны позднейшие приписки XIX в. к древним рукописям, носящие характер откровенных фальсификаций, но, к сожалению, прочно вошедшие в историографию (например, пресловутый рассказ о женах Ивана Грозного, вставленный Сулукадзевым в подлинный Хронограф, процитированный С.М. Соловьевым, а из его «Истории России», разошедшийся по многим популярным изданиям [12, с. 5—8]).

Данный ранний список «Александрии» (см. ее краткое описание Л.И. Алехиной [13, с. 130]) — небольшая рукопись в восьмую часть листа в позднем картонном переплете, не содержит какой-либо конкретной информации о ее происхождении, хотя позднейшие маргинальные записи XVIII—XIX вв. (частично затертые), в том числе на английском языке, заслуживают специального исследования [14].

Для изучения интерполяций в текст «Александрии Сербской» требуется кодикологический анализ данной рукописи, поскольку ее начальные [14, л. 1—25] и конечные листы [14, л. 236—245], написаны почерками второй половины XVII в. (более точная филигранологическая датировка затруднена — видны лишь фрагменты известной филигранны «Голова шута»). Именно на них и расположены вставные тексты — «Поучение о бренности жизни» [14, л. 10—13] и подробное описание погребения, плач Роксаны и риторическое послесловие [14, л. 236—245].

Следовательно, можно предположить, что данная рукопись первой трети XVII в. (точнее 1620-х гг.) была дополнена частями другой рукописи (или двух рукописей — почерк начального и конечного дополнений несколько различается) именно из-за присутствия в этих частях данных интерполяций, хотя не исключено, что это просто совпадение — была отреставрирована дефектная книга. Окончательный ответ на этот вопрос может дать тщательный текстологический анализ обоих списков «Александрии» — РГБ и ГЛМ, нас же в настоящее время интересуют тексты данных вставок, в принадлежности которых древнерусской традиции теперь нет сомнений.

Источник первой интерполяции в известие о рождении Александра Македонского, поучения о трудности учения, военного поприща, о тяжести богатства и убогости бедности, был установлен нами давно — это встречающееся в древнерус-

ских рукописных «Измарагдах» (очень популярный в составе древнерусских библиотек XV—XVI вв., в том числе частных, церковно-учительный сборник, связанный с Домостроем) «Слово Иллариона о житии сем» (варианты: «Слово о суетном житии сем», «о житии века сего»). Еще в начале XX в. археографами было установлено, что это Слово — псевдоэпиграф: оно не является оригинальным русским сочинением, а представляет собой сокращенный перевод поучения Василия Великого «Утешение больному» [15, с. 116]. Обращает на себя внимание использование в тексте этого Слова образов зверей и птиц для создания картины бренности жизни, напоминающей описания природы в древнерусских воинских повестях. Один из этих образов — «вороны грают» — был отмечен (со ссылкой на Измарагд) как лексическая параллель в «Словаре-справочнике «Слова о полку Игореве»» [16, с. 177]. Однако наше обращение к тексту поучения Василия Великого показало, что данный образ в нем отсутствует [17, с. 389—403]. Кроме того, в тексте вставки упоминаются волки, отсутствующие как в оригинальном тексте Василия Великого, так и в некоторых списках «Слова Иллариона...», известных и вне Измарагдов с начала XV в. (например, в Паисиевском сборнике, ранее датированном даже концом XIV в. [18, с. 302]). Это тема большой текстологической работы со многими рукописями и памятниками древнерусской литературы, требующая также обращения к греческому тексту Слова Василия Великого.

Вторая интерполяция и ее главная часть, плач царицы Роксаны по умершему мужу Александру Македонскому, носит более оригинальный характер, напрямую связана с осмыслением образа древнегреческого полководца в Древней Руси и может быть рассмотрена в контексте отечественной литературы конца XVI — начала XVII века (см. его полный текст в приложении 2).

Существование традиции похоронных причетов отмечено в русских летописях с XI в. (рассказы о смерти князей). Литературоведы отмечали, что основная тема этих плачей — скорбь по умершим, но в дальнейшем темы становятся разнообразней: горестная судьба, разлука, военное поражение, и в XVI — начале XVII в. (времена частых бедствий, разорения городов и т. д.) они выделяются в самостоятельный лирико-эпический жанр. В исследованиях отмечалось, что в письменных текстах имеются характерные для средневековой книжности заимствования. Так, известный по московским летописям плач вдовы Дмитрия Донского Евдокии был использован для передачи плачей жен убитых князей Михаила Черниговского и Михаила Тверского в текстах их житий, плача княгини Ольги в Степенной книге [19, с. 178]. Связанный с ними плач по князю Федору Ярославскому, включенный в позднюю редакцию его жития, был риторически расширен в

Повести о царе Федоре Иоанновиче, составленной патриархом Иовом, вероятно, для готовившейся его канонизации [20]³. Она получила широкое распространение будучи соединенной с Никоновской летописью. Подобные объемные рукописные книги, содержащие также и другие исторические сочинения (чаще всего «Новый летописец») наряду с хронографами стали принадлежностью многих библиотек частных лиц разных сословий уже в XVII веке.

Плач царицы Роксаны по Александру Македонскому в данных рукописях [14, л. 236 об., 243] имеет прямые параллели с плачем царицы Ирины по умершему мужу — царю Федору Иоанновичу [20, с. 19].

Плач Роксаны

«О, великий господине, государю свете, всего мира,
Царю, Александре, македонское солнце!
Где ныне скры свою светлость?
И уже не сияет нам своими пресветлыми лучами!
...Почто аз преж тебе не умро ж!»

Плач царицы Ирины

«О, великий мой государь,
Царь и великий князь Федор Иванович! <...>
О солнце пресветлое!
Почто светозарная своя луча сокрываеши? <...>
Почто яз, увы мне убогая, преж тебе не умрох?»

Очевидно, эти параллели носят традиционный характер для вдовьих причетов. Более интересно отметить параллели с получившими большую известность плачами жены выдающегося полководца эпохи Смуты в России князя Михаила Скопина-Шуйского, княгини Александры Васильевны, и его матери, княгини Елены Петровны, вошедшими в несколько памятников литературы начала XVII в., в которых одно из центральных мест занимают описания его внезапной смерти на пиру, породившей версию об отравлении («Писание о преставлении и погребении Михаила Скопина-Шуйского», компилятивная «Повесть о Михаиле Васильевиче Скопине-Шуйском», сводные летописные и хронографические тексты). Параллели носят не строго текстологический, а смысловой характер. Неизвестному автору, вкладывающему в уста царицы Роксаны древнерусское причитание и проклятия в адрес убийцы Александра Македонского (сюжета об отравлении не было в греческих текстах — это особенность славянской версии средневекового романа), могла быть хорошо знакома история князя Скопина-Шуйского, который, по сказаниям современников о нем, «уподобился бо еси храбростию, и красотою, и мудростью Александру царю Македонскому» [22, с. 20]. Это фраза взята из открытой

в конце XX в. «Повести о победах Московского государства», где плачи княгини Елены Петровны и Александры Васильевны представлены в наиболее развернутом виде. В них, как и в плаче Роксаны, звучат обвинения предполагаемому убийце.

Плач княгини Елены Петровны

«О вселюбезный сыне мой, столп и подпор старости моей!
О свете очима моима!
Кто тя разручи от очию мою, любезное чадо мое?
Кая рать урани тебе?
Многи бо рати победил еси, сыне мой!
Или кая змея угрызе, или кий злый человек зло совеща о тебе
И злою смертию умори тя?
Ты бо ко всем милостив был еси, о радость и утешение души моя! Коликую обиду кому сотворил еси?» [22, с. 18].

Плач княгини Александры Васильевны

«О светозарное мое солнце!
Прежде вечерняго времени за облаки темныя и мрачныя заходиши,
И свет свой скрывавши, и мене в велицей тме оставявши! <...>
Кто пресече предобрый путь твой?
Который злоненавистник премудраго тя, господина моего, оболстил
И от мене, подружия твоего, отлучи? <...>
О вседраги мой господине!
Не могу ж аз жива быти, видевше тя умерщвленна и от мене отлучена!» [22, с. 18—19].

Плач Роксаны

«А злый безумный татю Вринуше!
Сокровище мое украде,
И всех царское имение восхити! <...>
О злый губителю!
Все лепоту дому моего и надежу погуби! <...>
Хто тя научи, хто тя вразуми своего благодателя убити и всего света царя? <...>
Увы мне, увы! Лутче б мне с тобою умрети,
Нежели единой уединенной, усыренной от тебя в сем житии жити!» [14, л. 237 об. — 238 об., 243].

О том, что данное дополнение скорее всего относилось к Смутному времени, свидетельствует его риторическое послесловие, о котором говорилось выше в описании рукописи ГЛМ (в списке РГБ конечные листы с ним утрачены). Заключительная фраза с многолетием «по истинне и правде возведенному, Богу избранному и Богом венчанному царю» восходит и к «здравным чашам» Ивана Грозного, и к известной молитве — многолетию, сочиненной для первого русского избранного царя Бориса Годунова, использовавшейся и для прославления Михаила Романова, чье избрание в 1613 г. стало символом завершения Смуты.

Окончание текста «Александрии» с оригинальными дополнениями по рукописям РГБ и ГЛМ^а

(л. 234 об.) Ангел^б же Господень в той же час душу из него взят и несе, идеже ему Бог повелел. И умре Александр в земли, нарицаемой Герсем во стране Халдейстей, близ Египта в Межисирстем^с на реце Нил, не месте, идеже Иосиф Прекрасный 7 житниц фараону царю сотворил баше. И тако плач и жалость сотворил еси ту, елико никто же, // (л. 235) нигде же виде, ни слыша. И велможи тако вземъше тело его во Александрию принесоша. И плакашася много жалостно Алимпиада царица, мати его, и Роксана царица, цари, и вельможи, и князи земстии, и жены, и дети, и безсловеснии скоти.

Роксана же царица багряницу царскую многоценную на себе раздра до земли, власы главы своя распростре, с плачем и жалостию // (л. 235 об.) от болезнена сердца ко Александру, яко живому глаголаше:

«О Александре, всего света царю!

Храбрый господине, премудрый в человецех!

Не зриши ли мене, яко в чужих землях мени^д оставил еси,

А сам, яко солнце солнцем под землю зашел еси!

О небо, и солнце, и луны, и звезды, дряхлым образом срыдаите ми плачь!

О земле и основания вечных утверждение, горы же и холмы!

Плачитесь^е // (л. 236) со мною денесь и точите источьницы слезы,

Дондеже моря и озера наполняются и горы питаются пельни,

Бо ныне и всякия горести горьчае мне днесь!^ф

Плакахужеся вси царие, и вельможи, и вси князи земския, и витязи храбрыя, и вси людие, мужые, и жены, и дети, и безсловесныя скоты неразумнии.

О БОЛЬШЕМ ПЛАЧИ И О СМЕРТИ ЦАРИЦЫ РОКСАНЫ^г

Роксана же царица повеле всем на двор излести, сама же // (л. 236 об.) приступив по конец Александрова одра, сед в гловах у него и яко живаго его обლობызающе и глаголюще сице:

Плач Роксане царице

«О великий господине, государю свете, всего мира,

Царю, Александре, македонское солнце!

Где ныне скры свою светлость?

И уже не сияет нам своими пресветлыми лучами!

Взыде мое красное солнце и огрей сердце царицы Роксаны!

Востани свете мой драгий, царю Александре!

И что не изглаголеши со мною?

Ничтоже аз сотворю, умиленна // (л. 236 об.),

Отчужденная аз твоея слаткия любъве и всеа красоты твоея!

Увы мне! Кое сетование веще сия и кая болезнь злейши?

Ныне мне разлучаюся своим государем!

^а За основу взят текст рукописи РГБ [14] (далее Б), утраченное его окончание дано по рукописи ГЛМ [10] (далее Л). В целом же в списке Л текст передан с некоторыми сокращениями и поновлениями, которые не отмечаются.

^б В Б начало этого текста специально выделено киноварью и чернильным орнаментированным инициалом А. В Л — Ангел; только большой киноварный инициал.

^с Так в Б; в *Межи Сирстем* (?). В древнейшем Ефросиновском списке «Александрии Сербской»: в *Междоречьи* [5, с. 70].

^д Конец слова написан нечетко, над буквой *i* написана выносная буква (?).

^е Здесь кончается часть рукописи Б первой четверти XVII в., далее текст почерком второй половины XVII века.

^ф Данный плач имеется (с небольшими разночтениями) в Ефросиновском списке «Александрии Сербской» [5, с. 70—71]. Его текст, очевидно, оказал влияние на дальнейшую оригинальную вставку.

^г Этот и следующий киноварные заголовки (первый — особо крупными буквами) имеются только в списке Л, но мы сочли возможным внести их в основной текст. В списке Б начало текста выделено большим чернильным инициалом Р.

Сердце бо ми горит и аки пламень горит, палит утробу мою
 И самых костей моих крепость снедает, ми душу и смысл смущает!
 И никто же ми поможет — чада не имею, мужа оставлю!
 Вдовица бе есмь и не вем к кому // (л. 237 об.) обратиться,
 Иже к кому свою горькую печаль прострети!
 Увы^h мне, увы! Слыши небо и внуши земля!
 Ты, государю, свете драгий, всего света царю Александре!
 Услыши глас мой царицы Роксаны
 И виждь скорбь сердца моего, и язву души мояе,
 И течение слез моих, яко реку текущу!
 О горе и люте мне, свете очию моею и зеницы!
 Увы ты, души мояе!

Аⁱ злый безумный татю Вринуше!
 Сокровище мое // (л. 238) украде,
 И всех царское имение восхити!
 И всех богатства макидонское истоци, а себе ничтоже не улучи.
 Токъмо горькую смерть и адово дно!
 О злый губителю!
 Все лепоту дому моего и надежу погуби!
 О злый и лукавый волк!
 Царя всего света и государя восхити и поглоти!
 От мене главу отторже, чрева не насыти, а сам подавился!
 О злое семя!
 Кто ты насея, и коя утроба зачат ты, и кто ты роди? //
 (л. 238 об.) Кая ехидна испусти ты из утробы свояе на се зло?
 Веся свет смятя и всему миру убийца и кровопиец родился!
 Кто ты научи, кто ты вразуми своего благодателя убити и всего света царя?
 Всем бо главам главу напрасно умори!
 А его бо смерти не аз днесь един плачюсь,
 Но весь мир възрыдает и вельми востона!
 Увы мне, господине царю, Александре!
 Како не от врага, но от своего раба любимаго
 И своего вино // (л. 243^j) черпца, пагубу принял еси!
 Увы мне, увы! Лутче б мне с тобою умрети,
 Нежели единой уединенной, усыренной от тебя в сем житии жити!
 Дражайши бо ми ты еси всего света и всего, еже есть на земли!
 Почто аз преж тебе не умро ж!
 Или почто мя забы, тое ж чаши не дал испити, что еси испил,
 От своего любимаго виночерпца!
 Ни, господине, царю Александре, не имам от тебя востати // (л. 243 об.)
 Лутче ми с тобою днесь умрети, а тебе разлучится не имам!»

И сие рекши царица Роксана, и взем мечь Александров, и на него возлегши сердцем, и пронзеса мечем. И тако испусти душу свою и сконча живот свой царица Роксана во един день с царем Александром^k.

Цари же, и витязи, и вельможи слывшавше молчание плача царицы Роксаны, яко не бе гласа, ни послушания. И воскочеше Птоломей и Филон // (л. 244) и узриста царицу и госпожу свою Роксану мертву лежащу и всю кровию своею обогрившуся. Они же страха и ужаса исполнися, и возопиша гласы своими, и вси прибегоша ту вельможи, и воеводы, и витязи, и вси людие видете

^h В Л перед началом этой фразы разделительный номер текста: 3-е, инициал У киноварью.

ⁱ В Л — О; перед началом этой фразы разделительный номер текста: 4-е, инициал О киноварью.

^j Предыдущие л. 239—242 — вставка бумаги сер. XIX в., на которой почерком того времени переписан текст рукописи на л. 243—245 об. (с некоторыми искажениями), а на л. 242 приведен текст о смерти Александра Македонского из другого источника.

^k В списке Б перед началом этого и следующего абзаца на поле пометы *Зри*, тем же почерком (?). В списках Б и Л слово *Цари* начинается с инициала, в Л киноварного. В Л окончание предыдущей фразы — два слова — написано посреди строки, для отделения от следующего текста.

бывшаго. И видевшие, и паки страха и жалости исполънися, востужышася и восплакашася вельми, оставшеся великаго и сильнаго царя Александра и великие госпожи своей царицы Роксаны, // (л. 244 об.) [р]ыдающе¹ и гла[гол]юще, ...утешения, скорбяще и сетующе всегда, и како не соблютще госпожи своя от напрасныя смерти.

О^m великая и нелицемерная, истинная любовь умных и нелицемерных жен к мужем своим! Сицевуⁿ любовь и честь Роксана к мужу своему имев, к мужу своему изволивше умерети. А не яко же нынешния жены оставя мужа своего за ин пойдет. Сия же царица вос // (л. 245)^o ...сво... ..инъ поитьти, иноу не [в]осхоте, глаголаща в себе: «Ему же недостойт весь мир красотою и храбростию и доброте его, како есть забыти имам, а иному нарекуся любовница!»

И^p повеле Пталомей и Филон сотворити колесницу царьскую, и все витязи возложивше тело царя Александра и жены его царицы Роксана на колесницу, и повезоша во град // (л. 245 об.)^q ...Лександри[и]^r (?) без утешения, жалостно и умильно глаголюще, гласы и вопли испустиша, яко всеми грады и вои[н]стви его плакаться о напрасном их погублении. От плача же, и жалости, и стонания, и крычания земли и стенам градским колебаться. Печаль же обдержаше велика от народа ужасти и страха, и каменеи стенное^s //...

(л. 175 об.) ...Печаль же одержаше великаго народа и ужасти и страха исполнени, бывающих тогда терзати влас и деруще лица своя и всех народ истекаху слезы, зраще бо телеса любовных своих и славных Александра.

Его злая паки всяко время таковы же составляет; мать граду сего ради приходят ему вьнезапу погибель и разрушение ему неизъцельно. Воистинну убо и сему такожде // (л. 176) збытс, да и протчим, желающим и дерзающим таковая, такожде вскоре имать воздати и мстити.

И возглашу: Воскресни, Господи, помози нам и избави нас именем Твоего ради. Востави, Господи, царя, и изтрезви князя, и убуди болярних, и укрепил ноги ленивых, и вложи ярость в сердце страшливых, дабы крепко и храбро стати там, воистинне и правде и крестном стати, целовати православныя веры, и во святом крещении сияюще и щетом веры правый вооружившеся противу враг наших, неправды восстающих на нас!

И не даждь, Господи, земли нашея восхищения рабом и супостатам нашим!

И не даждь, Господи, // (л. 176 об.) досадити на престоле сидящему, по истинне и правде возведенному, Богу избранному и Богом венчанному царю, государю и великому князю имаруку, да нарекут языцы!

Не ведеще тебе истиннаго Бога, где есть Бог их? Бог же их на земли и на небеси, вся елико восхоте и сотвори.

Дажь, Господи, благовернай государыни нашей императрицы Екатерины Алексеевны, на вся видимая и невидимыя враги победу. Столб крепость истинну не разори. Даруй ей многолетное здравие, Самсонову силу, Александрову крепость, Соломонову премудрость. Умножи, Господи, люди твоя под державу ея!

Во веки веком аминь!

¹ В Б дефекты бумаги; в Л нет до слова *утешения*.

^m В списке Б перед началом этого абзаца на поле пометы *Зри*, тем же почерком (?); междометие *О* написано в виде инициала.

ⁿ Отсюда до слова *глаголаща* в Л — *Купно умерети, нежели законнаго итти и иному не восхоте зватися женою, глаголаша*.

^o В Б — лист сверху оборван, утрачен текст большей части двух первых строк. Возможно это произошло еще до копирования текста рукописи Б в сер. XIX в., поскольку воспроизведенный текст данного места вызывает сомнения в идентичности утраченному, ср. в Л (л. 240 об.): *Сия же царица вместе умре с мужем своим А[л]ександром, нежели за инаго* // (л. 241) *поити не восхоте, глаголав*. Сокращение текста в данном месте в списке Л может навести и на мысль, что список Б был по отношению к нему протографичен уже с этой утратой.

^p В списках Б и Л союз *И* является инициалом, в Л — киноварным. В Л окончание предыдущей фразы — два слова — написано посреди строки, и заканчивается маленькой концовкой — вензелем.

^q См. примеч. ^o. Копия сер. XIX в.: (л. 244) *Персеполю, и в[с]е граждане встретили, старые и малые. И бысть* // (л. 244 об.) *плачь великий и сетование всем жалостно и умильно глаголюще*.

^r В Л до слова «плакаться» — *Александрию, и тако привезоша во град. Бысть во Александрии плач велик, гласы и вопли испущаша*.

^s Здесь заканчивается текст Б, но в копии сер. XIX в. добавлено (л. 244 об.): *и скоты безсловесныя. Конец*. Далее текст приводится по Л.

Примечания

- ¹ Если в книге 1965 г. учтено 55 рукописей, в основном Ефросиновского вида [5, с. 210—212], то в одном из последних научно-популярных изданий текста памятника (по факсимильной публикации Общества любителей древней письменности 1887 г.) приведен перечень 104 рукописей по центральным хранилищам Москвы и Санкт-Петербурга [6, с. 501—506].
- ² М.В. Талызина (1762—1854, урожденная княжна Голицына), вдова генерал-майора С.А. Талызина (1765—1815), героя войны 1812 г. и заграничного похода русской армии, организатора подмосковного ополчения. Он владел известной подмосковной усадьбой Денежниково, где продолжали жить его вдова и дети, а затем и их потомки до 1918 года. Возможно, в этой усадьбе, славившейся своим оркестром из крепостных крестьян и разными заведениями, и могла бытовать данная рукопись, по ряду признаков относящаяся скорее к столичной, чем к провинциальной книжной культуре, в ее особом «народном» варианте.
- ³ Недавно была обнаружена оригинальная запись современника смерти царя Федора в 1598 г. в конце рукописи «Степенной книги», которая имеет сходство с традиционными плачами и с текстом «Повести о честном житии благоверного и благородного и христороубивого государя царя и великого князя всея Руси Федора Ивановича, о его царском благочестии и добродетельных правилах и о святой его кончине» патриарха Иова [21].

Список источников

1. Творогов О.В. Александрия Хронографическая // Словарь книжности и книжников Древней Руси. Ленинград : Наука, 1987. Вып. 1 (XI — первая половина XIV в.). С. 35—36.
2. Ванеева Е.И. Александрия Сербская // Словарь книжности и книжников Древней Руси. Ленинград : Наука, 1988. Вып. 2 (вторая половина XIV—XVI в.). Ч. 1. С. 21—25.
3. Ванеева Е.И. Александрия. Комментарии // Библиотека литературы Древней Руси. Санкт-Петербург : Наука, 2003. Т. 8: XIV — первая половина XVI века. С. 539—544.
4. Предисловие // Александрия. Роман об Александре Македонском по русской рукописи XV века / подгот. М.И. Ботвинник, Я.С. Лурье и О.В. Творогов. Ленинград : Наука, 1965. С. 5—6.
5. Александрия. Роман об Александре Македонском по русской рукописи XV века / подгот. М.И. Ботвинник, Я.С. Лурье и О.В. Творогов. Ленинград : Наука, 1965. 269 с.

6. Александрия. Жизнеописание Александра Македонского / подгот. Н.Ю. Болотина, А.Ю. Кононова, А.М. Хитрова. Москва : Айрис-пресс : Айрис-Дидактика, 2005. 509 с.
7. Кудрявцев И.М. Издательская деятельность Посольского приказа (К истории русской книги во второй половине XVII в.) // Книга. Исследования и материалы. Москва : Всесоюзная книжная палата, 1963. Сб. 8. С. 179—244.
8. Лебедева И.Н. Библиотека Петра I. Описание рукописных книг. Санкт-Петербург : БАН, 2003. 431 с.
9. Постников В.В. Образ Александра Македонского в русской материальной культуре // Вестник ДВО РАН. 2006. № 3. С. 141—147.
10. Отдел рукописных фондов Государственного литературного музея. Ф. 439. № 135.
11. Ванеева Е.И. К изучению истории текста Сербской Александрии (на материалах ленинградских списков XV—XVII вв.) // Труды отдела древнерусской литературы. Ленинград : Наука, 1976. Т. 30. С. 114—123.
12. Морозова Л.Е., Морозов Б.Н. Иван Грозный и его жены. Москва : Дрофа-Плюс, 2005. 284 с.
13. Новые поступления // Записки Отдела рукописей (ГБЛ). Москва : РГБ, 1995. Вып. 50. С. 123—164.
14. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 722. № 485. 245 л.
15. Никольский Н.К. Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений (XI—XII вв.). Санкт-Петербург, 1906. 596 с.
16. Словарь-справочник «Слова о полку Игореве». Москва ; Ленинград : Наука, 1965. Вып. 1. А—Г. 199 с.
17. Творения Василия Великого. Москва, 1846. Т. 4. 408 с.
18. Срезневский И. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках. Санкт-Петербург, 1876. Вып. LVI. С. 297—304.
19. Адрианова-Перетц В.П. Очерки поэтического стиля Древней Руси. Москва ; Ленинград : Издательство АН СССР, 1947. 188 с.
20. Повесть о честном житии царя и великого князя Федора Иоанновича всея Руси // Полное собрание русских летописей. Санкт-Петербург, 1910. Т. 14. С. 1—22.
21. Морозов Б.Н. Новый памятник из библиотеки Лыткиных, ярославских купцов первой половины XVII века (отклик современника на смерть царя Федора Ивановича) // Книга в пространстве культуры. 2005. Вып. 1. С. 104—108.
22. Повесть о победах Московского государства / подгот. Г.П. Енин. Ленинград : Наука, 1982. 160 с.

*Иллюстративный материал
предоставлен автором статьи*

Alexander the Great, King of Macedonia, and Prince Mikhail Skopin-Shuisky. Two Manuscripts of “Alexandria” with Continuation in the Time of Troubles

Boris N. Morozov,

The Russian State Library, 3/5 Vozdvizhenka Str., Moscow, 119019, Russia

E-mail: b.n.morozov@yandex.ru

Abstract. The article introduces into scientific circulation the two manuscripts of the famous monument of the Old Russian literature “Alexandria Serbian” — translation of the medieval novel about the life and exploits of Alexander the Great, King of Macedonia. Both manuscripts — in the Russian State Library (the first third of the 17th century) and in the State Literary Museum (the first third of the 19th century) — contain original additions to the text made by unknown Old Russian scribes. The most interesting of them is inserted in the story of the death and burial of the great commander the lengthy Plach (Lamentation) of his wife Queen Roxanne. The study of this text demonstrates not only its closeness to the traditional Russian funeral widow Crying and Prichitaniya (Wailing), including Plach (Lamentation) of the widow of Tsar Fedor Ivanovich — Tsaritsa Irina, but also the semantic parallels with the quite famous laments of the wife of the eminent commander of the Time of Troubles in Russia Prince Mikhail Skopin-Shuisky — Princess Alexandra Vasilievna and his mother Princess Elena Petrovna, included in the several literary monuments of the early 17th century, where the central place is occupied by the description of his sudden death at the feast, that immediately gave rise to the story of his poisoning. To the Time of Troubles in Russia pointed the original epilogue written to Alexandria in the both manuscripts.

Key words: Alexander the Great, Prince Michail Skopin-Shuisky, Manuscripts, Alexandria, the Time of Troubles.

Citation: Morozov B.N. Alexander the Great, King of Macedonia, and Prince Mikhail Skopin-Shuisky. Two Manuscripts of “Alexandria” with Continuation in the Time of Troubles, *Bibliotekovedenie* [Library and Information Science], 2016, vol. 65, no. 6, pp. 649—660.

References

1. Tvorogov O.V. Aleksandriya Khronograficheskaya [Alexandria Chronographical], *Slovar' knizhnosti i knizhnikov Drevnei Rusi* [Dictionary of the Scribes and Literature of Ancient Rus]. Leningrad, Nauka Publ., 1987, issue 1, pp. 35—36.
2. Vaneeva E.I. Aleksandriya Serbskaya [Alexandria Serbian], *Slovar' knizhnosti i knizhnikov Drevnei Rusi* [Dictionary of the Scribes and Literature of Ancient Rus]. Leningrad, Nauka Publ., 1988, issue 2, part 1, pp. 21—25.
3. Vaneeva E.I. Aleksandriya. Kommentarii [Alexandria. The Comments], *Biblioteka literatury Drevnei Rusi* [Library of the Literature of Ancient Rus]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2003, vol. 8, pp. 539—544.
4. Botvinnik M.I., Lurye Ya.S., Tvorogov O.V. (eds). Predislovie [The Preface], *Aleksandriya. Roman ob Aleksandre Makedonskom po russkoi rukopisi XV veka* [Alexandria. A Novel about Alexander the Great, Based on a Russian Manuscript of the 15th Century]. Leningrad, Nauka Publ., 1965, pp. 5—6.
5. Botvinnik M.I., Lurye Ya.S., Tvorogov O.V. (eds). *Aleksandriya. Roman ob Aleksandre Makedonskom po russkoi rukopisi XV veka* [Alexandria. A Novel about Alexander the Great, Based on a Russian Manuscript of the 15th Century]. Leningrad, Nauka Publ., 1965, 269 p.
6. Bolotina N.Yu., Kononova A.Yu., Khitrova A.M. (eds). *Aleksandriya. Zhizneopisanie Aleksandra Makedonskogo* [Alexandria. The Biography of Alexander the Great]. Moscow, Airis-Press, Airis-Diktika Publ., 2005, 509 p.
7. Kudryavtsev I.M. Izdatel'skaya deyatel'nost' Posol'skogo prikaza (K istorii russkoi knigi vo vtoroi polovine XVII v.) [Publishing Activity of the Ambassadorial Order (To the History of Russian Book in the Second Half of the 17th Century)], *Kniga. Issledovaniya i materialy* [The Book. Studies and Materials]. Moscow, Vsesoyuznaya Knizhnaya Palata Publ., 1963, coll. 8, pp. 179—244.
8. Lebedeva I.N. *Biblioteka Petra I. Opisanie rukopisnykh knig* [The Library of Peter I. The Description of Manuscripts]. St. Petersburg, BAN Publ., 2003, 431 p.
9. Postnikov V.V. *Obraz Aleksandra Makedonskogo v russkoi material'noi kul'ture* [The Image of Alexander Makedonsky (The Great) in the Russian Tradi-

- tional Life], *Vestnik DVO RAN* [Bulletin of the Far East Branch of the Russian Academy of Sciences], 2006, no. 3, pp. 141—147.
10. *Otdel rukopisnykh fondov Gosudarstvennogo literaturnogo muzeya* [The Department of Manuscript Collections of the State Literature Museum], coll. 439, no. 135.
  11. Vaneeva E.I. K izucheniyu istorii teksta Serbskoi Aleksandrii (na materialakh leningradskikh spiskov XV—XVII vv.) [To the Study of the Textual History of the Serbian Alexandria (on the Materials of the Leningrad Lists of the 15th—17th Centuries)], *Trudy otdela drevnerusskoi literatury* [Works of the Department of Ancient Russian Literature]. Leningrad, Nauka Publ., 1976, vol. 30, pp. 114—123.
  12. Morozova L.E., Morozov B.N. *Ivan Groznyi i ego zheny* [Ivan the Terrible and his Wives]. Moscow, Drofa-Plyus Publ., 2005, 284 p.
  13. Novye postupleniya [New Acquisitions], *Zapiski Otdela rukopisei (GBL)* [Notes of the Manuscripts Department (Lenin State Library)]. Moscow, Russian State Library Publ., 1995, issue 50, pp. 123—164.
  14. *Otdel rukopisei Rossiiskoi gosudarstvennoi biblioteki (OR RGB)* [The Manuscripts Department of the Russian State Library], coll. 722, no. 485, 245 p.
  15. Nikolsky N.K. *Materialy dlya povremennogo spiska russkikh pisatelei i ikh sochinenii (XI—XII vv.)* [Materials for the Time-Based List of Russian Writers and their Works (11th—12th Centuries)]. St. Petersburg, 1906, 596 p.
  16. *Slovar'-spravochnik "Slova o polku Igoreve"* [Glossary for the "Tale of Igor's Campaign"]. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1965, issue 1, A—G, 199 p.
  17. *Tvoreniya Vasiliya Velikogo* [Works of Basil the Great]. Moscow, 1846, vol. 4, 408 p.
  18. Sreznevsky I. *Svedeniya i zametki o maloizvestnykh i neizvestnykh pamyatnikakh* [Information and Notes on the Little Known and Unknown Monuments]. St. Petersburg, 1876, issue LVI, pp. 297—304.
  19. Adrianova-Peretts V.P. *Ocherki poeticheskogo stilya Drevnei Rusi* [Essays on the Poetic Style of Ancient Rus]. Moscow, Leningrad, AN SSSR Publ., 1947, 188 p.
  20. *Povest' o chestnom zhitii tsarya i velikogo knyazya Fedora Ioannovicha vseya Russii, Polnoe sobranie russkikh letopisei* [Complete Collection of Russian Chronicles]. St. Petersburg, 1910, vol. 14, pp. 1—22.
  21. Morozov B.N. *Novyi pamyatnik iz biblioteki Lytkinykh, yaroslavskikh kuptsov pervoi poloviny XVII veka (otklik sovremennika na smert' tsarya Fedora Ivanovicha), Kniga v prostranstve kul'tury* [Book in the Space of Culture], 2005, issue 1, pp. 104—108.
  22. Enin G.P. (ed.) *Povest' o pobedakh Moskovskogo gosudarstva* [A Story about the Victories of the Muscovite State]. Leningrad, Nauka Publ., 1982, 160 p.

Афины объявлены Всемирной столицей книги 2018 года

Генеральный директор ЮНЕСКО Ирина Бокова по рекомендации Консультативного комитета объявила Афины (Греция) Всемирной столицей книги 2018 года.

Город Афины выбран за исключительное содержание его программы, получившей поддержку всех деятелей книжной индустрии. Среди предлагаемых мероприятий — проведение встреч с писателями, переводчиками и иллюстраторами, организация концертов, тематических выставок, поэтических чтений и семинаров для специалистов в области издательского дела. Идея заключается в том, чтобы сделать книги доступными для всего населения, включая мигрантов и беженцев. Развитость культурной инфраструктуры и опыт города в организации международных мероприятий также были отмечены членами Комитета.

Город, объявленный Всемирной столицей книги, обязуется способствовать популяризации книг и чтения на протяжении всего года, который начинается с празднования 23 апреля Всемирного дня книг и авторского права.

Консультативный комитет, в состав которого входят представители ЮНЕСКО, Международной ассоциации издателей и Международной федерации библиотечных ассоциаций и учреждений, на своем заседании в штаб-квартире ЮНЕСКО отметил, что на конкурс было представлено рекордно большое число заявок.

Афины стали 18-й Всемирной столицей книги. Ранее им предшествовали: Мадрид (2001), Александрия (2002), Нью-Дели (2003), Антверпен (2004), Монреаль (2005), Турин (2006), Богота (2007), Амстердам (2008), Бейрут (2009), Любляна (2010), Буэнос-Айрес (2011), Ереван (2012), Бангкок (2013), Порт-Харкорт (2014), Инчхон (2015), Вроцлав (2016) и Конакри (2017).

Источник: <http://en.unesco.org/world-book-capital-city>